

СМЕРШ

спецназ Сталина

Серия
10 лет
на книжном
рынке

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ОТРЯДА 731

Александр
Тамоников

СМЕРШ – спецназ Сталина

Александр Тамоников

Последний из Отряда 731

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Последний из Отряда 731 / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2026 — (СМЕРШ – спецназ Сталина)

ISBN 978-5-04-255936-5

Самые интересные романы о сталинском спецназе — СМЕРШе. Лето 1945 года. Фашистская Германия повержена. Но еще сильна и опасна империалистическая Япония. Советскому руководству становится известно, что в Харбине действует секретная лаборатория, в которой японцы испытывают биологическое оружие против наступающей Красной Армии. Группе СМЕРШа майора Алексея Кравченко приказано проникнуть в лабораторию, захватить документацию, образцы штаммов и ликвидировать главных специалистов. В Харбин группа проникает под видом белоэмигрантов. Вскоре выясняется, что место, где, по данным разведки, находится лаборатория, надежно охраняется, и подобраться к нему практически невозможно. И тогда майор решает применить нестандартный ход... «Смерть шпионам!» (СМЕРШ) — это короткое и беспощадное название носило особое подразделение НКВД, подчинявшееся И. Сталину. Созданное в годы войны, оно состояло из проверенных в бою, честных и бесстрашных офицеров Красной Армии. СМЕРШа боялись все — и фашистские лазутчики, готовящие диверсии в наших боевых порядках, и гитлеровские приспешники, действующие в глубоком советском тылу. Враг знал: если на его след напали бойцы сталинского спецназа, справедливого и скорого суда не избежать. Романы серии «СМЕРШ — спецназ Сталина» — это каждый раз увлекательный динамичный сюжет и новые исторические знания, это экшен, написанный простым и понятным языком. Общий тираж книг А. Тамоникова — более 10 миллионов экземпляров! «Романы А. Тамоникова — о настоящих мужчинах, для которых понятия доблести, чести и долга — не пустой звук». — В. Колычев

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-255936-5

© Тамоников А. А., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Пролог	7
Глава 1	11
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Александр Тамоников

Последний из Отряда 731

© Тамоников А.А., 2026

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Пролог

15 июля 1945 года, 14:00

Токио. Императорский дворец

Гул стоял в ушах. Монотонный, дребезжащий, он, казалось, проникал под кожу вместе с липким воздухом, который без всякой пользы гонял под потолком в кабинете электрический вентилятор. Лопасты вращались лениво, с усилием разрезая влажный летний токийский воздух, но прохлады не было – только движение спертой духоты.

Адъютант лейтенант Танака стоял у двери, стараясь дышать ровно. Форма прилипла к спине, подворотничок за полчаса превратился в мокрую тряпку. Он смотрел прямо перед собой, в точку на бумажной ширме, но краем глаза видел все вокруг.

За длинным полированным столом сидели трое. Представитель императорского Генштаба – полковник с лицом, похожим на застывшую маску, и два штатских из Военного министерства в темных костюмах, от которых пахло нафталином и потом. Они пили зеленый чай, и фарфоровые чашки позвякивали о блюда в такт вибрации вентилятора.

Напротив них стоял генерал Сиро Исии.

Белый халат. Идеально чистый, накрахмаленный, ослепительный. Он был надет поверх мундира, и эта белизна резала глаз на фоне темных кимоно, коричневых ширм, желтоватых бумаг. Танака поймал себя на мысли, что не может отвести взгляда от этого халата. Доктор. Врач. Человек, который должен спасать.

Исии разложил на столе фотографии.

– Прошу обратить внимание на серию снимков номер двести семнадцать. – Голос у генерала был ровный, лекционный. – Испытания чумной палочки на человеческом материале. Фиксация времени летального исхода в зависимости от способа введения.

Танака перестал дышать. Он знал, что смотреть нельзя. Что нужно смотреть в ширму, в пол, в потолок – куда угодно, только не на фотографии. Но взгляд приклеился к столу, к глянцевым отпечаткам, которые Исии двигал перед штабными офицерами с ловкостью крупье, тасующего карты.

Клетки. Люди в клетках. Голые, худые, с бритыми головами. Они сидели на бетонном полу, прижавшись друг к другу, и смотрели в объектив. Не с ужасом – с тупым безразличием животных, которые уже все поняли. На других снимках были столы. Металлические, с желобами по краям и резиновыми шлангами. Один из штатских наклонился, рассматривая снимок, сделанный крупным планом.

– А это что за оборудование? – спросил он.

В его голосе не было ужаса. Только любопытство профессионала к новому инструменту.

– Стол для вскрытия живого объекта, – Исии поправил очки. – Позволяет проводить замеры работы органов под наркозом. Мы фиксируем показатели до момента остановки сердца. Очень познавательно, знаете ли. Например, печень при холере ведет себя иначе, чем при сибирской язве.

Полковник Генштаба отхлебнул чай.

– Эффективность подтверждена?

– Сто процентов. – Исии кивнул помощнику, стоящему у стеклянного шкафа.

Тот открыл дверцу и достал тяжелый том в коленкоровом переплете.

– Отчеты по каждой серии. Три тысячи семьсот двенадцать наблюдений. Все данные систематизированы. Если угодно, могу продемонстрировать графики зависимости времени агонии от дозировки.

Танака почувствовал, как под ложечкой заныло. Тошнота подкатила к горлу, горячая и кислая. Он сглотнул, стараясь не менять выражения лица. За стеклянной дверью кабинета, в саду, надрывались цикады. Их стрекот смешивался с гулом вентилятора, превращаясь в сплошную стену звука, от которой не спрятаться.

Штатский из Военного министерства, тот, что рассматривал снимки, откинулся на спинку стула.

– А транспортировка? Насколько стабильны культуры при перевозке?

– Мы решили эту проблему. – Исии сделал знак, и помощник выдвинул из шкафа небольшой контейнер. – Сухой лед. Поддерживает температуру минус семьдесят два градуса в течение сорока восьми часов. Штаммы сохраняют вирулентность полностью.

Контейнер открылся. Внутри, в гнездах из мягкого металла, стояли пробирки. Ровные ряды, аккуратная маркировка иероглифами. В пробирках была мутноватая жидкость. Исии взял одну, поднес к свету, любовно разглядывая и поворачивая в пальцах.

– Вот это, господа, – сказал он почти нежно, – чума. Настоящая, средневековая, черная смерть. У нас она живет в этой маленькой стеклянной трубке и ждет своего часа.

Он поставил пробирку на стол. Все смотрели на нее. Танака смотрел тоже. Маленький стеклянный цилиндр, в котором плещется смерть миллионов.

Полковник Генштаба прокашлялся.

– Генерал, каковы сроки? Реальные сроки боевого применения?

– Мы готовы сейчас. – Исии улыбнулся.

Не хищно, не зло. Улыбкой учителя, которому задали правильный вопрос.

– Технически нужно лишь погрузить контейнеры в отсек для бомб самолета Ки-57. Распыление аэрозольное, над целью – раскрытие на высоте триста метров. Облако накрывает площадь до двух квадратных километров. Инкубационный период при чуме – от двенадцати часов до трех суток. При сибирской язве – быстрее. – Он развернул на столе карту. – Харбин. Чанчунь. Мукден.

Палец в белом резиновом напальчнике касался городов.

– Здесь наши лаборатории. Здесь наши склады. Здесь – сосредоточение советских дивизий, когда они войдут. Они прут, как бараны, господа. В сорок первом они поперли на немцев, и немцы их били миллионами. Теперь попрут на нас. Но мы их встретим не пулями. – Он поднял пробирку к свету. – Мы встретим их вот этим.

Танака смотрел на карту. На жирные красные круги, обведенные вокруг городов Маньчжурии. Он знал, что там, в Харбине, в подвалах бывшего русского госпиталя, работает «Отряд 731». Знал, что в морозильных камерах лежат штабелями «марионетки» – так называли подопытных. Знал, что в крематориях жгут тела круглые сутки, и дым стоит над пригородом черным столбом.

Но знать – это одно. А видеть, как человек в белом халате, с улыбкой преподавателя университета, объясняет преимущества чумы перед сибирской язвой, – это другое.

Штатские переглянулись. Один из них, с холодными глазами за стеклами пенсне, кивнул.

– Императорская ставка утверждает план, – сказал он сухо. – Полковник Накамура?

Человек, сидевший в углу кабинета до этого совершенно неподвижно, поднялся. Танака только сейчас заметил его – тот сидел в тени, у шкафа с отчетами, и не проронил за все время ни слова. Полковник Кендзи Накамура, командир лабораторного комплекса в Харбине. Средних лет, поджарый. Форма сидела на нем как влитая, ни одной складки. Лицо – камень.

– Я слушаю. – Голос у Накамуры был низким и ровным.

Ни тени эмоций.

Исии повернулся к нему.

– Кендзи, вы принимаете командование операцией непосредственно на месте. Ваша задача – подготовить все к моменту начала советского наступления. Как только русские пересекут границу, мы должны быть готовы нанести удар.

– Понимаю. – Накамура кивнул. У него не было ни сомнений, ни вопросов. В его глазах, темных и непроницаемых, отражалась настольная лампа. И больше ничего.

– Сколько времени вам потребуется на финальную подготовку?

– Сутки. Максимум двое. – Накамура говорил так, будто речь шла о погрузке картофеля на склад. – Аэрозольные генераторы опломбированы, штампы в рефрижераторах. Нужно лишь снять пломбы и открыть вентили.

Исии с довольным видом кивнул.

– Вы слышали, господа? Профессионализм.

Штатский в пенсне поднялся. За ним встали остальные.

– Мы докладываем наверх, – сказал он. – Ждите дальнейших распоряжений. Но в целом... – Он посмотрел на пробирки, все еще стоящие на столе, на фотографии, на карту. – В целом план утвержден. Будьте готовы к двадцатым числам августа.

– Будем готовы раньше, – пообещал Исии, провожая их к двери.

Танака распахнул створки, поклонился. Когда штатские и полковник Генштаба вышли в коридор, где было хоть немного прохладнее, он перевел дыхание. Воротник прилип к горлу, хоть выжимай. Цикады за окном орали как сумасшедшие. Вентилятор под потолком все гудел, гоняя по пустому кабинету теплый, спертый воздух.

– Вы свободны, лейтенант.

Голос Исии заставил его вздрогнуть. Генерал стоял у стола и смотрел на него. Взгляд был спокойный, изучающий.

– Вы давно у меня, Танака?

– Третий месяц, генерал.

– И как вам наша работа?

Танака проглотил комок. Нужно было ответить правильно. Нужно было сказать, что работа важная, что она спасает Японию, что он горд служить под началом такого ученого.

– Я... – голос сорвался. Он откашлялся. – Я стараюсь соответствовать, генерал.

Исии усмехнулся. Усмешка была странная – понимающая, почти отеческая.

– Идите, Танака. Выпейте воды. У вас лицо бледное.

Лейтенант поклонился и вышел, стараясь не бежать.

В коридоре было пусто. Только где-то далеко хлопнула дверь. Танака прислонился к стене, закрыл глаза. Перед веками все еще стояли эти фотографии. Люди в клетках. Столы с желобами. Пробирки с мутной жидкостью.

Он сжал кулаки, заставляя себя дышать ровно. Он солдат. Он делает то, что должен. Япония ведет великую войну. И в этой войне все средства хороши.

Но в груди, под самым сердцем, образовался холодный комок, который не уходил. Он знал, что подобное будет с ним теперь всегда.

Исии остался один.

Кабинет вдруг стал казаться огромным и тихим. Только вентилятор гудел, только цикады за окнами стрекотали. Генерал подошел к столу, собрал фотографии в стопку, постучал ребром, выравнивая края. Убрал в папку. Закрыл контейнер с пробирками, защелкнул замки.

Потом подошел к стене. Карта Маньчжурии висела в тяжелой деревянной раме, занимая почти всю стену от пола до потолка. Синяя линия Амура, зеленая равнина, коричневые сопки. И красные кружки – Харбин, Чанчунь, Мукден. Там, где ждут своего часа маленькие стеклянные трубочки.

Исии стоял, заложив руки за спину, и смотрел на карту. Палец в резиновом напальчнике медленно провел по Харбину, остановился на Чанчуне, скользнул к Мукдену.

В гул вентилятора вплетался стрекот цикад, и от этого монотонного звука начинало слегка покалывать в висках. Жара стояла невыносимая, даже здесь, в кабинете Императорского дворца.

Но генерал, казалось, не замечал духоты.

Он смотрел на карту. На эту огромную территорию, которую Квантунская армия удерживала уже четырнадцать лет. На города, где жили миллионы – китайцы, русские, корейцы, японцы. На пространство, куда скоро ввалятся советские дивизии с их танками, пушками и солдатами, которых так много, что можно затопить реки их кровью.

Исии чуть наклонил голову.

Губы его, сухие от жары, тронула едва заметная улыбка. Не торжествующая. Не злая. Мечтательная улыбка человека, который видит перед собой дело всей своей жизни. Который знает: самое главное – впереди.

Палец остановился на Харбине.

Вентилятор гудел. Цикады стрекотали. Где-то в саду, за стеклянной дверью, ветер шевелил листья, но сюда, в кабинет, не проникало ни дуновения.

Исии стоял у карты – белый халат горел пятном в полумраке – и улыбался.

Глава 1

18 июля 1945 года, 10:00

Лагерь под Хабаровском

Воздух ощущался во рту как теплый кисель.

Кравченко шел по тропе между палатками, и каждый шаг давался с усилием – дышать в этом влажном пекле было нечем. Сосновый лес обступил лагерь со всех сторон, нагретые за день стволы сочились смолой, и запах этот – густой, сладкий, липкий – въедался в глотку хуже табачного дыма.

Гимнастерка прилипла к спине между лопатками. Майор машинально дернул плечом, пытаясь отодрать мокрую ткань от кожи, – бесполезно. Через пять секунд она прилипла снова.

Из-за палатки выскочил боец с автоматом, узнал командира, козырнул на бегу и скрылся. Кравченко даже не замедлил шага. В лагере под Хабаровском дисциплина была обычной, армейской, без той струны, которая звенит перед заброской. Люди отдыхали. Три дня назад их вывели из леса, дали помыться в баньке, сменить белье. Кормили два раза горячим блюдом. Разрешали спать до десяти.

Кравченко посмотрел на часы. Без пяти десять.

Он ждал. Полковник из Смерша приехал еще затемно, когда лагерь спал, – машина с затемненными фарами прошуршала по грунтовке и замерла у штабной землянки. Кравченко видел это из окна своей палатки, но не вышел. Не позвали – не лезь.

Теперь позвали.

Он свернул к землянке, пригнувшись, нырнул в низкий проем. Ступеньки вниз вели в полумрак, где пахло сырой землей, махоркой и еще чем-то канцелярским – бумагой, сургучом, чернилами.

– Товарищ майор...

Адъютант, молоденький лейтенант с потным лбом, указал на дверь в дальнем конце землянки. Кравченко кивнул, шагнул, толкнул дверь.

В кабинете было так же душно, как наверху. Оконце под потолком было затянуто марлей от гнуса, но комары все равно набились внутрь и тоненько звенели под столом. Полковник сидел за деревянным столом, заваленным картами, и смотрел на вошедшего усталыми глазами.

– Садись, майор.

Кравченко сел на табурет напротив. В глаза бросились руки полковника, лежащие на папке с грифом «Совершенно секретно». Сухие, в старческих пигментных пятнах, пальцы чуть заметно подрагивали. Война старит даже тех, кто сидит в штабах.

Полковник пододвинул папку через стол.

– Читай. Вслух.

Кравченко открыл папку. Внутри лежал лист плотной бумаги, исписанный убористым машинописным текстом, и еще один – калька с картой. Он пробежал глазами первые строки.

«Совершенно секретно. Экземпляр номер один. Перехваченная радиограмма. Язык – японский. Расшифровка – ориентировочная, семьдесят процентов...»

– Читай вслух, – повторил полковник.

Кравченко откашлялся.

– «...объект „Накамура“ докладывает в центр. Штаммы адаптированы к носителям. Испытания на „марионетках“ подтвердили стабильность. Аэрозольное распыление с Ки-57 возможно в течение двадцати четырех часов после получения приказа. Жду подтверждения. Император...»

Он запнулся. Полковник кивнул:

– Дальше.

– «Императорская ставка утвердила план „Черный дождь“. Цель – дивизии противника в полосе наступления. Ожидаемый эффект – до восьмидесяти процентов потерь личного состава от чумы и сибирской язвы».

Тишина в землянке стала полной. Только комары звенели под столом и где-то далеко, над сопками, гудел авиационный мотор.

Полковник забрал папку, закрыл, положил перед собой.

– Харбин, – сказал он. – Бывший русский госпиталь. Сейчас там лаборатория. «Отряд 731». Слышал?

Кравченко кивнул. Слышать слышал, но информация была обрывочной, из разведсводок, которые читал мельком.

– Они ставят опыты на людях, – продолжил полковник. – Китайцы, русские, корейцы. Монголы. Называют их «марионетками». Заражают чумой, холерой, сибирской язвой. Смотрят, как умирают. Потом режут живьем, чтобы посмотреть, как выглядят органы. Вскрывают без наркоза.

Голос у полковника был ровный, без эмоций. Он просто констатировал факты, как сводку погоды.

– И это не все. Они научились распылять заразу с самолетов. Если успеют – когда наши дивизии пойдут через границу, их встретят не пулеметы. Их встретит чума. Представляешь, майор? Танкисты, артиллеристы, пехотинцы – все они стинут от поноса и температуры, даже не увидев врага.

Полковник помолчал, потом наклонился через стол. Глаза у него были сухие, колючие.

– Кровь стынет в жилах, майор. Если они успеют – эпидемия выкосит дивизии. Не роты, не полки – дивизии. Десятки тысяч человек. И это только начало. Потом чума пойдет дальше, в города, в тыл... Остановить ее можно только здесь.

Палец полковника ткнул в карту. Харбин.

– Твоя группа идет туда. Ставка выбрала тебя для этого важного задания. Задача – найти лабораторию, захватить документацию, образцы штаммов, всех, кто там работает – по возможности языков. Если не получится взять живыми – уничтожить. Но документы и пробирки должны быть у нас. Лебедева разберется что к чему.

Кравченко слушал, фиксируя каждое слово в памяти. Тридцать пять лет, два ордена, финская кампания, три года в разведке – он привык к приказам, за которыми стоит смерть. Но за этим стоят миллионы смертей.

– Сроки? – спросил он коротко.

– Сегодня восемнадцатое июля. Девятнадцатого на рассвете вы должны быть на той стороне. Дальше – действовать по обстановке, но чем быстрее, тем лучше. Они готовятся к эвакуации. Если успеют вывезти документацию в метрополию – мы никогда не докажем, что они делали.

Полковник откинулся на спинку стула, который жалобно скрипнул.

– Вопросы?

Кравченко покачал головой. Вопросов не было. Было только одно – в голове уже крутилась схема: кто пойдет, что брать, каким маршрутом двигаться. Он встал.

– Разрешите идти?

– Иди. Группу собери через час. Проводник придет вечером. И вот еще... – Полковник протянул ему брезентовый мешочек. – Таблетки для воды. Пантоцид. В Маньчжурии пить из луж нельзя – через день сдохнешь от холеры. Лебедевой скажи, она знает.

Кравченко взял мешочек, сунул в карман. Козырнул и вышел.

Наружу, в липкое пекло, из полумрака землянки он вынырнул, как из проруби. Солнце стояло уже высоко, казалось, прожигало сквозь гимнастерку. Комары облепили лицо, пришлось отмахиваться на ходу.

Лагерь жил своей обычной жизнью. У палатки радистов кто-то колотил по железу – видно, чинили печку. Из кухни тянуло запахом гречневой каши и тушенки. Дневальный прошел с ведром к колодцу, вода плескалась через край, оставляя на сухой земле темные пятна.

Кравченко остановился у своей палатки, достал кисет, свернул сигарку. Руки не дрожали – привычно делали свое дело. Но в голове прокручивалась фраза полковника: «Кровь стынет в жилах».

Он затаился, выпустил дым в безветренный воздух. Дым повис серым облачком и не хотел рассеиваться.

Из соседней палатки вышел Гордеев. Старшина был без гимнастерки – широкая волосатая грудь блестела от пота, майка прилипла к телу. В руках он держал ящик с тротилом и матерился сквозь зубы.

– Твою мать, ну и сырость... – Он поставил ящик на траву, открыл крышку. – Глянь, командир. Тол отсырел, сушить надо. А если сушить на солнце – рванет к чертям.

Кравченко подошел, заглянул в ящик. Шашки лежали ровными рядами, но на некоторых выступили капли влаги.

– Сколько?

– Половина, – Гордеев почесал мокрую грудь. – Если не просушить – не сработают. А если совать в сырые запал – невесть что будет.

– Суши. В землянке, на печке. По очереди, чтоб не оставлять без присмотра.

Гордеев крикнул, подхватил ящик и понес к штабной землянке. На полпути обернулся:

– Чего вызывали-то?

– Скажу, когда всех соберу.

Гордеев кивнул и исчез в дверях.

Кравченко докурил, раздавил окурок каблуком, вдавил в землю. Посмотрел на часы. Через сорок минут надо собрать группу. Лебедева должна быть в лазарете, Семенов – на стрельбище за сопкой, Родионов – возиться со своей рацией.

Он пошел к лазарету.

Медицинская палатка стояла в тени большого кедра, и здесь было чуть прохладнее. Полог был откинут, внутри горела керосиновая лампа – электричества в лазарет не проводили, только свечи и лампы. Кравченко шагнул внутрь.

Лебедева стояла спиной к входу, склонившись над столом. Она не слышала шагов – сосредоточенно двигала руками, что-то укладывая в небольшой металлический ящик с резиновыми прокладками по краям. Гермобокс.

Кравченко кашлянул. Лебедева обернулась.

Лицо у нее было спокойное, сосредоточенное. Ни тени удивления – будто ждала, что он придет. Двадцать девять лет, капитан, химик-биолог из МГУ. В сорок втором ушла на фронт добровольцем, хотя имела бронь. Кравченко знал эту историю краем уха – муж погиб под Сталинградом, она попросилась на передовую. Ее определили в санэпидемвзвод, потом заметили способности и перевели в разведку.

– Здравия желаю, товарищ майор.

– Вольно, капитан. Что делаешь?

Лебедева кивнула на ящик.

– Гермобоксы готовлю. Для образцов. Если придется везти биоматериал – без герметизации нельзя. Зараза растечется – и нам конец, и всем вокруг. – Она взяла со стола пробирку в резиновом держателе, показала Кравченко. – Смотрите. В такой пробирке можно везти штаммы. Но пробирка может разбиться. А в боксе – три контура защиты. Стекло, резина, металл. И сухой лед внутри, чтобы температура держалась минус семьдесят.

– Откуда знаешь?

– Читала. – Лебедева убрала пробирку в бокс, закрыла крышку, повернула замок до щелчка.

– Япония. «Отряд 731». У них там такие же боксы, только маркировка японская. Наши трофейные команды уже находили.

Она посмотрела на Кравченко в упор.

– Это оно, командир? То задание?

Он кивнул.

– Оно. Через час сбор у моей палатки.

Лебедева ничего не сказала. Только на мгновение прикрыла глаза – длинные ресницы дрогнули, и все. Когда открыла, в них была только холодная решимость.

– Поняла. Закончу здесь и подойду.

Кравченко вышел. Постоял секунду у входа, глядя, как над сопками кружит ястреб. Птица делала круги медленно, лениво, высматривая добычу в высохшей траве.

Потом повернул на тропу к стрельбищу.

Семенова он нашел за сопкой, в низине, где был оборудован небольшой полигон. Младший лейтенант лежал на брезенте, прижимаясь щекой к прикладу снайперской винтовки Мосина. В двухстах метрах от него стояла мишень – фанерный силуэт солдата.

Выстрел шелкнул сухо и громко, эхом заметался по сопкам. Семенов перезарядил, выстрелил снова. Потом отложил винтовку, сел, достал блокнот и что-то записал.

Кравченко подошел, остановился за спиной. Семенов не обернулся – знал, что командир придет, слышал шаги за сто метров.

– Две в десятку, – сказал он негромко. – Ветер справа, на втором выстреле снос на полсантиметра. Поправил.

– Собирайся. – Кравченко присел на корточки рядом. – Через час общий сбор. Работа.

Семенов кивнул. Лицо у него было молодое, но глаза – старые. Двадцать четыре года, а взгляд как у волка, который пережил уже не одну зиму. Забайкалье, охота с детства, тайга, следы, звериные тропы. В армию пошел добровольно в сорок первом, хотя могли бы оставить в тылу как ценного промысловика. Попросился в разведку.

– Карту брать?

– Бери все. Надолго.

Семенов кивнул еще раз, начал собирать винтовку. Движения точные, экономные – ни одного лишнего жеста. Профессионал.

Кравченко поднялся, пошел обратно в лагерь. У палатки радистов он остановился, прислушался. Изнутри доносилось потрескивание эфира, японская речь, потом свист, потом снова треск.

Он откинул полог.

Родионов сидел на ящике из-под патронов, склонившись над рацией. Рация была трофейная, японская, тип два – небольшая, с длинной телескопической антенной и множеством ручек на передней панели. Лейтенант что-то подстраивал, крутил верньеры, и наушники висели у него на шее, изрыгая шипение и обрывки фраз.

– Ловлю, – сказал он, не оборачиваясь. – Японцы переговариваются. Дальняя связь, шифрованная. Но голоса слышно.

– О чем?

– Не пойму пока. – Родионов повернулся, снял наушники. Лицо у него было возбужденное, глаза блестели. – Но частота интересная. Не армейская, не фронтовая. Какая-то особая сеть. И позывные повторяются – «Накамура», «Харбин».

Кравченко насторожился.

– Точно «Харбин»?

– Ага. И «Накамура» несколько раз. Может, фамилия, может, позывной.

Он хотел добавить еще что-то, но Кравченко остановил жестом.

– Записывай все. Частоты, время, позывные. Через час сбор у моей палатки. Будет разговор.

Родионов кивнул, снова надел наушники и отвернулся к рации. Его пальцы уже бегали по ручкам настройки, ловя ускользящий сигнал.

Кравченко вышел. Прошел мимо палаток, мимо кухни, где повар чистил картошку, фальшиво что-то напевая. Остановился у колодца, достал кружку, зачерпнул воды. Вода была теплая, отдавала железом, но жажду утоляла.

Он пил медленно, глядя, как солнце поднимается все выше, прожигая небо до белесой мути. Воздух дрожал над сопками маревом. Где-то там, за горизонтом, была Маньчжурия. Та самая, где в подвалах бывшего русского госпиталя стояли пробирки с чумой.

Ровно через час вся группа собралась у палатки Кравченко.

Гордеев сидел на ящике, положив руки на колени. Лебедева стояла чуть поодаль, прислонившись к сосне. Семенов присел на корточки, чертил прутиком на земле. Родионов подошел последним, все еще с наушниками на шее.

Кравченко окинул их взглядом. Пятеро. Тридцать пять, сорок, двадцать девять, двадцать четыре, двадцать шесть. Разные, как пять пальцев на руке. Но каждый – мастер.

– Задача, – сказал он коротко. – Харбин. Лаборатория японская, «Отряд 731». Делают биологическое оружие. Чума, сибирская язва, холера. Испытывают на людях.

Гордеев хмыкнул, но ничего не сказал.

– Наша цель – проникнуть, захватить документацию, образцы штаммов, по возможности – языков. Уничтожить лабораторию. Вернуться.

Лебедева спросила тихо:

– Сроки?

– Сегодня восемнадцатое. Завтра ночью переходим границу. Дальше – марш к Харбину. Проводник будет, китаец. Придет вечером.

Родионов поднял руку:

– Я ловил переговоры. «Накамура», «Харбин» – это они. Готовятся к эвакуации. Если верить радиогамме, им нужно двадцать четыре часа с момента приказа, чтобы запустить распыление.

– Значит, у нас меньше времени, чем думали. – Кравченко посмотрел на Лебедеву. – Гермобоксы готовы?

– Да. Два бокса. Сухой лед заложу перед выходом, хватит на трое суток.

– Гордеев?

– Тол просушу к вечеру. Мины есть, гранаты в норме. Детонаторы проверю.

– Семенов?

– Карту изучил. Проводник покажет тропы, но общее направление знаю. Гаолян, рисовые поля, потом Харбин. Днем не идти – сдохнем от жары. Только ночью.

– Родионов?

– Рацию настроил. Ловлю японцев, но наша связь – через тип два. Дальность – километров тридцать, не больше. Если уйдем далеко – молчим.

Кравченко кивнул. Короткая оценка сложилась в голове сама собой. Лебедева – хрупкая с виду, но стержень есть, не сломается. Гордеев – надежен, как скала, но возраст и вес... В жару

ему будет тяжелее всех. Семенов – в своей стихии, такой не пропадет. Родионов – молодой, но голова варит, технарь от бога. Проводник – пока неясно.

– Вопросы? – спросил он.

Вопросов не было. Только тишина и комариный звон.

– Тогда готовьтесь. К восемнадцати ноль-ноль все должно быть упаковано. Вечером будет проводник, ночью – выдвижение.

Он отпустил их коротким жестом. Гордеев подхватил ящик с толом и пошел к землянке. Лебедева скрылась в лазарете. Семенов уселся тут же, у палатки, развернул карту и углубился в ее изучение. Родионов побежал к своей рации – ловить эфир дальше.

Кравченко остался один.

Он достал кисет, свернул еще одну сигарку. Руки делали это автоматически, а мысли уже были там – в Маньчжурии. Он прокручивал в голове маршрут, возможные засады, варианты отхода. Потом подумал о группе.

Лебедева... За ней надо будет присматривать. Не потому, что слабая – наоборот, слишком сильная. Такие ломаются сразу и насмерть, когда ломаются. Гордеев потащит на себе полгруппы, если понадобится, и сдохнет, но не бросит. Семенов – волк-одиночка, но в группе работает четко, как часы. Родионов – энтузиаст, загорается быстро, может перегреться.

Он затаился, выпустил дым. Лагерь жил своей жизнью – кто-то рубил дрова, кто-то смеялся у столовой, кто-то спорил о футболе. Три дня назад они были здесь, в тылу, и думали, что война скоро кончится. Теперь все изменилось.

Солнце клонилось к закату медленно, нехотя, будто тоже не хотело уходить в эту духоту. Тени от сосен вытянулись, стали длинными, легли на палатки. Гнус к вечеру озверел – пришлось надеть накомарник.

Кравченко сидел у входа в палатку, чистил пистолет. Разобрал, протер каждую деталь, смазал, собрал. Движения привычные, доведенные до автоматизма. Перед глазами стояла карта, которую он изучил за день до дыр. Харбин. Сунгари. Железная дорога. Кварталы, где живут русские эмигранты. Кварталы, где живут китайцы. Госпиталь.

Часы показывали без двадцати семь, когда к лагерю подъехала подвода. Лошадь была худая, китайская, маленькая, с облезлой шкурой. На подводе сидел человек в соломенной шляпе и темной одежде из грубой ткани.

Кравченко поднялся, положил пистолет в кобуру.

Человек спрыгнул с подводы, подошел. Лет сорока, не больше, но лицо изрезано морщинами так, что можно дать все шестьдесят. Глаза – черные, глубокие, смотрят внимательно и спокойно. Руки в мозолях, пальцы узловатые, как корни дерева.

– Проводник, – сказал он по-русски с сильным акцентом. – Меня послали.

Кравченко кивнул, указал на палатку.

– Проходи. Чай будешь?

Проводник покачал головой.

– Не надо чай. Надо смотреть люди.

Он обошел Кравченко и направился к тому месту, где сидели бойцы. Гордеев возился со взрывчаткой, Лебедева проверяла аптечку, Семенов точил нож, Родионов крутил ручки рации.

Проводник остановился в десяти шагах, оглядел каждого долгим взглядом. Молча. Потом повернулся к Кравченко.

– Хороший люди. Сильный.

– Поведешь?

Проводник кивнул. Кравченко поймал его взгляд – и понял: этот не подведет. Не потому, что боится или должен. Просто такие, как он, если берутся за дело, делают его до конца. Умрут, но сделают.

Проводник прошел в сторону, сел под деревом, прислонился спиной к стволу и закрыл глаза. Уснул мгновенно, будто выключили рубильник. Только грудь вздымалась ровно.

Гордеев покосился на него, хмыкнул.

– Ну и ну. Заснул как убитый.

– Он не спал трое суток, – тихо сказал Семенов. – Видно по лицу. Шел к нам от самого Харбина.

Кравченко посмотрел на проводника. Тот спал, и во сне лицо его стало еще более изможденным. Сколько он прошел? Сколько видел? Что знает о тех тропах, по которым поведет их?

Ответов не было. Был только этот человек под деревом, спящий мертвым сном перед долгой дорогой.

Ночь опустилась на лагерь внезапно, как всегда бывает на Дальнем Востоке, – только что было светло, и вот уже темнота накрыла сопки, и только звезды горят ярко, непривычно ярко.

Грузовик стоял у края лагеря, замаскированный под китайский торговый фургон. Брезентовый верх, деревянные борта, даже иероглифы кто-то намалевал на дверцах – для убедительности. Машина была выдавшая виды, но мотор работал ровно, и фары были затемнены до щелочек.

Погрузка шла молча.

Гордеев закинул ящик с толом, пристроил его у переднего борта, сверху положил гранаты и мины. Лебедева бережно поставила гермобоксы в угол, обложила их вещевыми мешками, чтобы не трясло. Семенов уложил винтовку вдоль борта, пристроил рядом рюкзак с патронами. Родионов тащил рацию, как ребенка – осторожно, боясь ударить.

Кравченко проверил, все ли на месте. Потом обошел грузовик, заглянул в кабину. Проводник уже сидел там, рядом с водителем – молодым сержантом из автотранспортной роты. Тот кивнул командиру.

– Довезу, товарищ майор. Не впервой.

– Смотри, сержант. Если что – не геройствуй. Бросай машину и уходи в лес. Понял?

– Понял.

Кравченко вернулся к кузову, посадил Лебедеву, потом Родионова. Гордеев забрался сам, тяжело, опираясь на борт. Семенов прыгнул легко, как кошка, и сразу сел так, чтобы видеть дорогу назад.

Кравченко влез последним. Стукнул по кабине кулаком.

Мотор завелся не сразу – кашлянул, чихнул, потом ровно затарахтел. Грузовик дернулся и покатил по грунтовке, уходя от лагеря в темноту.

Кравченко сидел, привалившись спиной к борту. Лагерь исчезал за поворотом – сначала палатки, потом сосны, потом осталась только темнота. Там, где только что был его временный дом, теперь горели редкие огоньки, и с каждым метром они становились все меньше, все дальше.

В кузове было тихо. Только слышно, как пофыркивает мотор, как шуршат шины по гравию, как где-то далеко лают собаки. Наши, советские собаки. Последний звук родины.

Кто-то чиркнул спичкой – Родионов прикуривал. Красный огонек на мгновение осветил лица: Гордеева с закрытыми глазами, Лебедевой, смотрящей в никуда, Семенова, напряженно вслушивающегося в ночь.

Кравченко перевел взгляд вперед.

Там, за кабиной, за фарами, которые почти не давали света, за пыльной дорогой, уходящей в черноту, лежала Маньчжурия.

Он не знал, что их ждет. Не знал, вернутся ли они. Знал только одно: через несколько часов они будут на той стороне, и назад дороги нет.

Грузовик тарыхтел, увозя их в ночь. Звезды горели ярко, холодно, равнодушно. Ветер бил в брезентовый верх, и пахло пылью, горячим и уходящим домом.

Кравченко смотрел в темноту перед собой. Там начиналась война.

Глава 2

19 июля 1945 года, 02:00

Река Амур

Тишина стояла такая, что закладывало уши.

Кравченко сидел на корточках в камышах и смотрел на воду. Амур дышал тяжело, как загнанный зверь – темная вода вздымалась и опадала, вздымалась и опадала, и в этом дыхании чудилось что-то недоброе. Тот берег тонул в черноте, только редкие огоньки выдавали присутствие человека – прожекторная вышка, пост наблюдения, может быть, казарма.

Он повел шеей – затекла от долгого сидения. Три часа назад они вылезли из грузовика в трех километрах отсюда, и сержант-водитель, пожелав удачи, развернулся и уехал в ночь, даже не выключив фары до поворота. Последний свет родины исчез за сопкой, и они остались одни.

Дальше шли пешком. Проводник вел, не ошибаясь ни разу – тропы, известные только ему и еще десятку таких же молчаливых людей с суровыми лицами. К берегу вышли ровно в час ночи, как и планировали. Лодки надули за двадцать минут – резина противно скрипела в тишине, каждый выдох насоса казался выстрелом.

Сейчас все было готово. Три надувные лодки лежали у кромки воды, привязанные к камышам. Весла обмотаны тряпками в местах, где они будут касаться уключин, – ни одного лишнего звука. Люди сидели в камышах и ждали команды.

Кравченко посмотрел на часы. Стрелки светились бледно-зеленым светом. Без пяти два. – Пора, – шепнул он проводнику.

Тот кивнул и указал рукой направление – чуть левее прожекторной вышки, где берег уходил в темноту и камыши росли гуще. Там, по его словам, патрули ходили реже – топи, комары, местные даже рыбачить не любят.

Кравченко поднялся, пригибаясь, перебежал к лодкам. Гордеев сидел у крайней, широкий, как медведь, и разминал плечо – затекло, пока ждали. Рядом с ним Лебедева проверяла снаряжение. В свете закрытого фонарика, который она держала под полкой куртки, блеснуло стекло.

– Ампулы готовы, – шепнула она, заметив взгляд командира. – Десять штук. Разобьются – газ выходит. Через пять минут собаки засыпают. Часа на два, если доза правильная.

– А если неправильная?

– Сдохнут, – Лебедева пожала плечами. – Тоже неплохо. Но лучше, чтоб заснули. Меньше подозрений.

Она протянула ему одну ампулу – маленький стеклянный цилиндр с мутной жидкостью внутри. Кравченко повертел в пальцах, положил в карман гимнастерки. Стекло приятно холодило грудь через ткань.

– По лодкам, – скомандовал он шепотом.

Двинулись бесшумно. Гордеев, кряхтя, втиснулся в среднюю лодку, от его веса она тут же просела, резина жалобно скрипнула. Лебедева села с ним, уложив герметичные коробки между ног – бережнее, чем ребенка. Родионов и Семенов заняли первую лодку. Кравченко с проводником – в третьей.

Весла вошли в воду почти беззвучно.

Кравченко опустил руку за борт – вода обожгла холодом, хотя воздух стоял теплый, липкий, под тридцать градусов. Контраст был такой резкий, что на мгновение перехватило дыхание. Граница. Тепло здесь, холод там. Свои здесь, чужие там.

Лодки оторвались от берега и поплыли в темноту.

Гребли медленно, в такт. Весла, обмотанные тряпками, входили в воду без всплеска, только легкое «чвак» – и лодка скользила вперед. Кравченко считал гребки. Раз. Два. Три. Четыре.

Прожектор на вышке медленно поворачивался, шаря по реке длинным белым лучом. Сейчас он уходил вправо, оголяя их участок. Кравченко прикинул: полный круг вышка делает за две с половиной минуты. Значит, у них есть минута сорок, пока луч вернется.

Он поднял руку, показывая ускорить движение.

Лодки рванули вперед. Весла заходили быстрее, но все так же бесшумно – тряпки делали свое дело. Кравченко чувствовал, как по спине течет пот, хотя, казалось бы, откуда ему взяться на холодной ночной реке. Гимнастерка прилипла к позвоночнику.

Прожектор дополз до крайней точки и замер. На секунду показалось, что он так и останется там, но потом луч дернулся и пополз обратно.

– Ложись, – шепнул Кравченко.

Все разом пригнулись к днищам лодок. Кравченко ткнулся лицом в резину, пахнущую чем-то химическим.

Луч прожектора прошел в метре от лодки. Кравченко видел его сквозь прикрытые веки – белый, слепящий, беспощадный. На мгновение высветилось лицо Гордеева в соседней лодке: застывшее, с каплей пота на переносице, глаза закрыты, губы сжаты в нитку. Потом луч ушел дальше, к камышам, и снова наступила темнота.

Кравченко выдохнул. Поднял руку – вперед.

Гребли еще десять минут, пока берег не приблизился настолько, что стали видны отдельные стебли камыша. Проводник в первой лодке поднял руку – стоп.

Все замерли. Тишина стояла такая, что Кравченко слышал, как бьется сердце у сидящего перед ним бойца. Или это свое собственное стучит так громко? С берега доносились звуки – японская речь, негромкая, ленивая, ночная. Кто-то кашлянул, сплюнул. Потом загремело ведро – видно, часовой решил попить.

И вдруг – лай. Собаки взбесились разом, будто их ткнули раскаленным железом. Три, нет, четыре голоса зашлись в истерике, захлебываясь, заходясь в хрипе. На берегу забегали, закричали, замелькали фонари.

– Проклятье, – выдохнул Гордеев.

Лебедева уже доставала ампулы. В темноте блеснуло стекло.

– Ближе к берегу, – скомандовала она. – Мне нужно метров двадцать, чтобы добросить.

Кравченко взмахнул веслом, направляя лодку к камышам. Остальные последовали за ним. С берега уже светили фонарями, луч метался по воде, выхватывая то кусок камыша, то открытую воду.

Собаки лаяли так, что закладывало уши.

Первая лодка ткнулась в берег. Семенов выпрыгнул, ушел в камыши бесшумно, как змея. Проводник замер, вглядываясь в темноту. Родионов возился с радиостанцией, прижимая ее к груди.

Лебедева поднялась в лодке во весь рост. Кравченко перехватил ее за руку:

– Сядь, дура!

Она вырвалась и метнула первую ампулу. Стекло блеснуло в свете фонаря и разбилось о камень в десяти метрах от собак. Жидкость плеснула, и в ту же секунду что-то изменилось. Лай не прекратился, но стал другим – захлебывающимся, хриплым. Одна собака взвизгнула и затихла. Вторая еще лаяла, но как-то неуверенно, будто сквозь сон.

– Еще, – шепнула Лебедева.

Вторая ампула ушла следом. Потом третья.

Собаки замолчали. Последний всхлип – и тишина, только японцы орут на берегу, ругаются, светят фонарями туда-сюда. Кто-то выстрелил в воздух – видимо, решил, что собаки учуяли зверя.

– Заходят в воду.

Семенов произнес это из темноты. Кравченко всмотрелся. Точно: на берегу замелькали фигуры, спускающиеся к реке. Три, четыре, пять. С фонарями, с оружием.

– Всем на берег, – приказал Кравченко. – Лодки бросить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.